

Русские повести XIX века 20--30-х годов. Том второй

М.,--Л., ГИХЛ, 1950

Подготовка текста, вступительная статья и примечания профессора Б. С. Мейлаха

OCR Бычков М. Н.

Вы знаете, друзья мои, старинную любимую мою привычку шататься в народе, присматриваться к лицам и образам добрых соотечественников и прислушиваться к речам их и поговоркам, в веселые и печальные минуты жизни, когда, выражусь их пословицею, -- у них что на уме, то и на языке. Вы поверить не можете, с каким удовольствием провожаю я, например, какого-нибудь архангелогородца, приехавшего в Москву с семгою, на колокольню Ивана Великого, показываю ему оттуда Москву белокаменную, рассказываю о сорока сороках московских церквей, о славных удалцах, которые расставляли на кресте плошки, и проч. и проч. На всех гуляньях в Марьиной роще я всегда бываю в толпе народной, вступаю в разговор со всяким встречным, смеюсь, балагурю и каждый раз возвращаюсь домой с новыми мыслями о свойствах, хороших и дурных, благословенного народа русского. Таким образом легко мне было познакомиться и с героем моей повести. Теперь слушайте.

Часто проходил я Покровкою. На углу подле церкви Воскресения в Баратах встречался я всегда с нищим, который с первого почти взгляда привлек мое внимание; но, не знаю почему, при всех моих филантропических видах я всегда довольствовался подаванием ему нескольких копеек, когда у меня случались они в кармане, и проходил мимо, как будто оправдывая пословицу: "сытый голодного не разумеет".

Наружность его, однакож, оставила во мне впечатление. Мой нищий был росту среднего; волосы черные с частою проседью покрывали его голову; из-под густых навислых бровей видны были глаза, когда-то яркие; покрытый морщинами лоб, бледное лицо со впалыми щеками доказывали ясно, что сей труженик приближается, наконец, к концу своего земного странствования, которое было нелегко для него. Одежда его состояла в смуром армяке, из-под которого видны были лоскуты нагольного тулупа, в шапке, когда-то плисовой, теперь вытертой, бесцветной, с меховым околышем, которую держал он под мышкою, наконец в сапогах с кое-где прорванными голенищами и толстой веревке, коею был подпоясан. Он стоял, прислонясь спиною к углу и опираясь на суковатую палку. Физиономия его никогда не изменялась, никого из проходящих не просил он о подавании ему милостыни, никого не сопровождал молящими глазами. Это придавало ему вид какого-то благородства: казалось, он стоял на своем месте.

Недавно пошел я прогуливаться... только что прочитав объявление о моей книге какого-то рецензента, который не хотел или не умел признать ее достоинства. Мне было очень досадно и, разумеется, хотелось найти товарища в досаде. Нищий стоял на углу. Я подхожу к нему и начинаю разговор:

-- Ты, старинушко, кажется, не сходишь отсюда?

-- Здесь мое жилье, -- промолвил он тихо, оглянувшись на меня, и снова опустил свою голову.

-- Довольно ли подают тебе, не нуждаешься ли ты в чем?

-- Бог дает день, бог дает и пищу.

-- Сколько лет тебе?

-- Идет на шестой десяток.

-- Однакож по виду ты кажешься гораздо старше. Верно, много горя пришлось тебе измыкать на своем веку?

-- Век прожить -- не поле перейти, -- отвечал он, вздохнул как бы невольно и кулаком утер слезы, навернувшиеся у него на глазах.

Мне не хотелось беспокоить его на первый раз своими вопросами и возбудить в нем недоверчивость. Я подал ему обыкновенную милостыню и пошел мыкать свое малое горе.

Между тем старик возбудил во мне желание познакомиться с ним покороче. Всякий раз, проходя мимо его, начал я с ним кланяться, подавал ему что-нибудь, сопровождая свое подавание ласковым видом, ласковым словом... и заметил, наконец, что он чувствует ко мне благорасположение. О святое участие! Какой целебный бальзам проливаешь ты на страждущую грудь несчастливца!

Таким образом по прошествии некоторого времени я осмелился спросить у него о подробностях его жизни.